

Петь — ЗНАЧИТ ЖИТЬ

Михаил Мунтяну — народный артист Молдавской ССР, ведущий солист Молдавского государственного академического театра оперы и балета. У певца огромный теноровый репертуар: 21 партия, много сольных программ из произведений советских и зарубежных композиторов. Его лиричный голос обладает богатейшей палитрой вокальных красок, у него яркий актерский темперамент.

— Первый вопрос, конечно же, о том, как складывалась ваша творческая судьба, что привело вас на сцену Молдавского театра оперы и балета?

— Надо сказать, что в юности я и не помышлял об этом, жил в молдавской деревеньке Крива. При мне появилось радио, электричество. Я и пианино впервые увидел в пятнадцать лет. Отец до сих пор поет в хоре, хотя ему уже 74 года, голос у него такой же красивый. Пели тогда на праздниках народные песни, романсы, многие выучил и я; вспоминаю с улыбкой, как звучал из уст малыша романс «Ямщик, не гони лошадей»... Пел в художественной самодеятельности в школе, доме культуры, ездил на смотры, фестивали. Мечтал о консерватории, но родители мой выбор не одобряли: «Будь кем хочешь, только не артистом». После окончания десятилетки поехал в молдавскую столицу Кишинев, поступать в университет. По чистой случайности знакомые, у которых я остановился, жили возле консерватории, и экзамены там начинались раньше. Я рискнул, сдал туда документы. Нотной грамоты не знал, на прослушивании мне подобрали две песни на фортепиано, одна из них была «Огонек», так меня сразу и прозвали. На удивление всем я был зачислен. В

Криву деревенский паренек приехал студентом консерватории; соседи ахнули, друзья обрадовались. Но ближайшие родственники не разделили этой радости. Только через несколько лет отец, молдавский крестьянин, впервые пришел на спектакль. После спектакля, снимая шапку, сказал: «Да, тяжелая у тебя работа, сынок!» В консерватории занимался очень много, одолел музыкальную грамоту, узнал и стал понимать классику. В консерватории встретился с Николаем Дидученко, в прошлом замечательным солистом Одесского оперного театра, который и сделал из меня певца, нашел во мне природный голос — тенор, до этого я пел баритоном. Учебу закончил с отличием, и в 1971 году меня пригласили в театр.

— Вы помните свое первое выступление?

— Еще бы! Мой первый большой выход на сцену — Кавардоси в «Тоске» Пуччини. Я так волновался и страшился, что просто не понимал — зачем я на сцене и как мне петь...

— А газета «Вечерний Кишинев» назвала это событие «праздником для театра»! Отличается ли то ваше состояние перед выступлением от сегодняшнего?

— Страх от сцены исчез, но

творческое волнение осталось. Образы моих героев совершенно разные, и на каждый нужно соответственно настроиться. Манрико в «Трубадуре» Верди — искренний, горячий, Хозе в «Кармен» Бизе — влюбленный, дерзкий, отчаянный. Княжич Юрий в «Чародейке» Чайковского лиричен. Сергея Лазо невозможно петь, как Хозе. Чтобы прийти к нему, своему герою, погибшему в 26 лет за дело революции, я прочитал дневники Лазо, узнал из книг о нем почти все и понял: нельзя делать из него оперного героя. Он был простым, светлым человеком. Сразу принял Советскую власть, хотя и родился в богатой молдавской семье. Мне стали близки его идеалы, стремления. Вообще чтение дает колоссальную пищу уму. На суд зрителя надо выносить больше, чем заложено в литературном образе, на помощь приходит книга. Например, чтобы постичь Германна в «Пиковой даме», мне необходимо было перечитать Достоевского. Люблю книги как нечто живое, они для меня — друзья, с которыми встречаешься не однажды. «Война и мир» Льва Толстого, «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова, повести Валентина Распутина, Федора Абрамова. Частые гости в нашем доме — молдавский писатель Павел Боцу, поэты Григорий Виеру, Ливиу Дамиан — талантливые, умные люди, без них, даже без их критики, мне жилось бы трудно.

— Произведения каких композиторов включаете обычно в камерные концерты?

— Георгия Свиридова; недавно выступал в Болгарии с его циклом на стихи Сергея Есенина «У меня отец — крестьянин». Люблю Сергея Рахманинова, особенно романсы, каждый несет в себе целое мироощущение: «Отрывок из Мюссе», «Я опять одинок», «Как мне больно», «Я был у ней»... Пою народные русские, молдавские, украинские, неаполитанские песни.

— Вы часто бываете на гастролях за рубежом. Что привело на вас самые сильные впечатления?

— Сначала — об Италии. Она подарила мне встречи с такими творениями искусства, которые входят в тебя на всю жизнь. Микеланджело, Тинторетто, Тициан... Как-то бродил по Милану, зашел случайно в церковь и обомлел — увидел «Тайную вечерю» Леонардо. В Риме каждый уголок — музей. Особенный городок — Бергамо, в нем я представил, как раньше пели сценарии под балконами:

улучки узкие, в одном конце поешь — в другом слышно. Наверное, поэтому трудно было кабальеро разойтись друг с другом, не зацепившись шпагами... Меня покорила прекрасная Венеция. Но самым великолепным осталось соприкосновение с искусством в «Ла Скала», где выступают лучшие певцы мира. Там я проходил стажировку под руководством Джини Чинья, известной певицы, и концертмейстера Ренато Пасторино. Там я подружился с Пласидо Доминго, Кате Ричарелли, присутствовал на репетициях, слушал концерты многих блестящих мастеров вокала. Ди Стефано научил меня петь с неаполитанским акцентом песню «Скажите, девушки, подружки вашей...» И это не раз вводило итальянцев в заблуждение. Язык этой страны близок молдавскому, я выучил его месяца за три. Побывал в монастыре, познакомился с жизнью монахов — это пригодилось мне для оперы «Сила судьбы», действие которой в основном происходит в монастырских стенах. В Парме, на родине Верди, меня наградили дорогой мне памятной медалью Верди. В Италии я убедился, что русская школа пения не уступает итальянской. В Японии меня удивила любовь к русской музыке, там же увидел великолепную постановку «Чио-Чио-сан». На Фиашиппинах запомнились национальные танцы с бамбуковыми палками — они довольно длинные, метров по пять, но танцоры так ловко с ними справлялись!

— Какие три вещи вы взяли бы с собой на необитаемый остров?

— Сборник стихов Виеру, ведро воды из молдавского колодца и аиста. Знаете, есть красивая легенда: турки окружили молдавскую крепость, и осажденные начали голодать; но прилетели аисты, у каждого в клюве была кисть винограда... Аисты у нас олицетворяют добро, для меня нет большей радости увидеть их гнездо. В Молдавии свято относятся к колодцам, хотя и нет проблемы с водой. Их украшают резьбой, деревянными фигурками. Многие колодцы носят имена, например, «Колодец Сенник» — его называли по имени нашедшего и откопавшего вкусную воду. Вот и я хочу, наподобие колодца, быть источником радости, доброты, света, прохлады в полуденный зной.

Интервью взяла
Светлана ШЕВЧЕНКО